

СОЛОВЕЦКИЕ ЮНГИ

За три года Великой Отечественной войны, с 1943 по 1945 год, Соловецкую школу юнг окончили 4110 человек. Было три выпуска. Около тысячи ребят погибли.

Новый район Москвы, 15-я Парковая улица. Современная школа №349. Обычное типовое здание, а во дворе – памятник. Выкрашенные в белый цвет два корабельных якоря. Спрашиваю играющих рядом мальчишек: «Знаете ли вы, откуда здесь якоря?» «Конечно, знаем», – ответили ребята. И довольно толково рассказали о том, что у них в школе давным-давно открыт Музей соловецких юнг – уникальный, второго такого нет нигде в мире, посвященный одной из малоизвестных страниц в многогранной летописи Великой Отечественной. Вот что об этом рассказал выпускник Соловецкой школы юнг 1943 года, руководитель музея Николай Васильевич ОСОКИН:

– Юнги появились еще на парусном флоте. Чаще всего это были мальчишки, которые сбегали из дома в поисках романтики и приключений. Не получая жалования, выполняли любую работу. Многие великие мореплаватели выходили из юнг. Самый известный – Кук. Юнгами были и царь Петр Великий, и легендарный полярник, командир ледокола «Красин», капитан Воронин.

Шли годы, и у нас в стране юнг стали готовить целенаправленно. Для этого еще до 1917 года были созданы две школы – в Севастополе и Кронштадте. После революции Школа юнг появилась лишь перед самой войной на острове Валаам на Ладого. Там учили боцманов. Первый выпуск готовили на сентябрь

В Школе юнг

1941 года. Но пришла война, и доучиться ребята так и не успели.

– Как сложилась их дальнейшая судьба?

– Осенью 1941 года на Ладогое шли очень тяжелые бои. Наши дивизии были прижаты к северному берегу. Солдаты остались без продуктов, без боеприпасов. Их бы всех уничтожили финны! И тогда наше командование решило всеми силами, которые были на Ладогое, эвакуировать наших красноармейцев, чтобы те не попали в плен.

Шлюпки, катера и две парусные шхуны с Валаамскими юнгами участвовали в этой эвакуации. Пришлось работать в «бухте Смерти», которая вся простреливалась, где негде было укрыться! Когда всех, кого могли, оттуда вывезли, юнги были переведены под Ленинград. Они защищали город. Школа боцманов в полном составе влилась в четвертую бригаду морской пехоты. Той самой, которая участвовала в первом прорыве блокады Ленинграда в 1941 году. Наши моряки тогда форсировали Неву в районе Невской Дубровки. Захватили на левом берегу плацдарм, который называется Невский Пятачок. И тогда на этом «пяточке» погибли почти все юнги Валаамской школы боцманов. Выживших можно пересчитать по пальцам.

Следующая Школа юнг была открыта на Соловецких островах. Именно там, где до 1939 года находился печально знаменитый «СЛОН» – «Соловецкий лагерь особого назначения».

– А как Вы оказались среди соловецких юнг?

– Тут целая история... Когда началась Великая Отечественная война, в военкоматы стояли очереди желающих пойти добровольцем на фронт. Сам ходил. Знаю! Меня не взяли, мне было 13 лет. Рад был, что попал в МПВО (Московская противо-

Разминирование. Фото военных лет

воздушная оборона) – дежурил ночами на чердаке и крыше своего дома. Но мальчишки все равно рвались на войну. Сбегали из дома. Попадали на фронт, в партизаны. Все это надо было хоть как-то упорядочить. И одновременно создавалась ситуация, когда много моряков ушли с кораблей в сухопутные войска. Судите сами: все приморские города, Таллин, Ленинград защищали моряки. На некоторых кораблях на берег сходило до одной трети личного состава. Взять такой замечательный линкор, как линейный корабль, флагман Черноморского флота, «Севастополь». Экипаж – 1546 человек. Из них 540 ушло в морскую пехоту. А «Севастополь» должен выходить в море, выполнять боевые задачи!

Тогда Главком ВМФ СССР (Военно-Морского флота СССР) Николай Герасимович Кузнецов предложил Иосифу Виссарионовичу Сталину поддержать стремление мальчишек защищать Родину. И вопреки Женевской конвенции (1923 год), согласно которой детям нельзя участвовать в боевых действиях, на Соловках была организована Школа юнг.

Формировалась она в Соломбале – одном из районов Архангельска. Туда свозили ребят со всей страны. Брали только добровольцев. Конкурс был больше, чем в современные институты – 10–12 человек на место. Это были уникальные мальчишки. Несколько парней – из партизан-

Сотрудники лаборатории МАИ, отладившие ЭВМ «УРАЛ»

ских отрядов. Остальные – от станков. Я сам до этого больше года проработал на Сокольническом вагоноремонтном заводе (СВАРЗ) токарем. И только летом 1943 года меня взяли в школу юнг.

– И Вы попали на Соловки?

– Да. Нас отвезли туда учиться из Архангельска на корабле «Краснофлотец» – бывший «СЛОН». Одна половина Школы юнг разместилась в Соловецком кремле в помещении только что (1939 год) упраздненного Соловецкого лагеря, другая – возле поселка Савватиево. Но до того как разделить, нам выделили кусок леса и сказали: «Это место, где будет ваша школа». Дали в руки не ручку с тетрадкой, а пилу, топор, лопату – ройте себе землянки. Иначе зимой вы тут замерзнете! И мы рыли. Котлованы копали. А почвы там крайне тяжелые. Валуны встречались с легковые машины.

– И как вы справлялись с этими громадинами?

– Очень просто – разводили костер. Здоровый. Поливали из озера холодной водой раскаленный камень. Он трескался.

– Сколько вас там было детей?

– Не детей – ЮНГ! 1346 человек.

– Кто же вас заставлял там так работать? Многие из вас, наверное, погибли от невыносимых условий...

– Да полно, что вы говорите! Какая гибель! Мы вообще почти не болели. И никто никого не заставлял! Тут некоторые рассказывают: «Солдаты воевать не хотели, всюду стояли заградотряды!» Неправда это! У нас дисциплина была потрясающая! Мы рвались бить фашистов! Не под маменькино крылышко. Чтобы попасть на фронт, ввали, что родителей нет, что они погибли. «Только возьмите!»

– И Вы тоже ввали?

– Нет, я не ввали. Моя мама действительно умерла, когда я еще был маленьким ребенком. Отец погиб во время битвы под Москвой. Я остался один. Без родителей.

– Трудно пришлось?

– Да нет. Нормально. И на крыше с ребятами дежурил – зажигалки тушил. И карточки сам себе отоваривал. Помню, однажды наш магазин, куда я был прикреплен, оказался на замке. Метро не работало. Так я шел по рельсам от своих Сокольников до Красносельской. Там, возле площади трех вокзалов, был магазин для всех. Как тогда говорили, «без прикрепления». Вышел из метро – тревога. Бомбы посыпались. Меня схватили за шиворот – иди в убежище. Я стоял, подумал – снова пошел за хлебом. Есть-то ведь очень хотелось.

– И Вам хлеба досталось?

– Нет. Пока шел, весь кончился. Так голодным домой и вернулся.

– А почему Вы не эвакуировались?

– Из нашего двора никто никуда не уехал. Чего бежать? Куда? На какие деньги? У нас жила одна нищета. Деревянный дом, комнатухи по 12–14 метров. Одна кухня, отопление печное. Воду до самой почти войны брали в колонке. Но главное не это. У нас все знали, откуда, не важно, но твердо верили: Москву не сдадут. Так оно и получилось. И одна мечта у нас была, у мальчишек – успеть повоевать с немцами. Боялись, что война без нас кончится. Если бы не Школа юнг, я бы все равно на фронт сбежал. И мои друзья тоже. Так что мне, можно сказать, повезло. Я был крайне доволен, когда меня зачислили юнгой. Правда с будущей специальностью произошла осечка. На вопрос, кем бы я хотел стать, ответил – сигнальщиком или рулевым. Однако председатель приемной комиссии, капитан третьего ранга, был далек от флотской романтики. Он сказал примерно следующее: «Выучишься на сигнальщика, закончится война, демобилизуешься, и кем ты будешь работать? Милиционером на перекрестке палкой махать? Будешь электриком. Это тебе специальность на всю жизнь».

– А как Вы попали в Соловецкий кремль, на территорию бывшего лагеря, ведь землянки вы рыли в лесу? По какому принципу вас отбирали?

– Уже потом, после того как вырыли землянки, нас разделили на две группы. Одна перешла в кремль, другая осталась в лесу. Меня, поскольку я учился на электрика, перевели в кремль. Жили мы там в кельях, переоборудованных под лагерные камеры. По 12 человек на 12 метрах площади. У нас были трехъярусные койки. Тумбочки. Если все разом

Вахта памяти – связь поколений

Бессменный знаменосец на традиционных парадах 9 мая у школы №349 города Москвы – руководитель школьного Музея соловецких юнг Осокин Николай Васильевич

спрыгивали вниз, стоять приходилось плотно плечом к плечу.

– Вы жили примерно так, как жили заключенные. Работали по 12 часов. Мерзли. У вас первое время не было даже элементарной крыши над головой. Почему же вы не погибли, а заключенные умирали тысячами?

– Во-первых, нас хорошо кормили. Полным довольствием – первое, второе, компот. Но, главное... Дело в том, что мы были ДОБРОВОЛЬЦАМИ! И это многое объясняет. И никаких нарушений дисциплины у нас тоже не было. Потому что знали: при первом же ЧП выкинут из школы, а это такой позор, пройти огромный конкурс, а потом оказаться не понятно на каком положении. Вот, посмотрите, аттестаты наших ребят: одни пятерки. И это потому, что отличники имели право выбирать себе флот, где они будут служить. Отличники могли сразу принять участие в сражениях. Троечники же рисковали попасть, скажем, на Дальний Восток или на Каспий. А там какие бои? Никаких. Вот мы и старались, как могли. Учились более чем добросовестно.

– А как у вас был организован быт? Кто стирал, готовил...

– Мы были на полном самообеспечении. Сами на себя стирали, сами разгружали пароходы с провизией, дровами, боеприпасами.

– А зачем вам были нужны боеприпасы? Вы же учились, а не воевали?

– Немцы стояли совсем рядом. На побережье. Возле кремля располагались зенитные батареи. Там служили зенитчики, мы же в первое время им, как могли, помогали. А в декабре 1943 года мне так же, как и большинству юнг, исполнилось 16 лет. 12 декабря мы приняли присягу. Нам дали карабины и противогазы. Каждой роте вручили по два пулемета. Сказали: «С сегодняшнего дня вы бойцы Красной Армии». Выделили куски побережья. Мы выкопали окопы и по тревоге занимали оборону.

– Оборону?

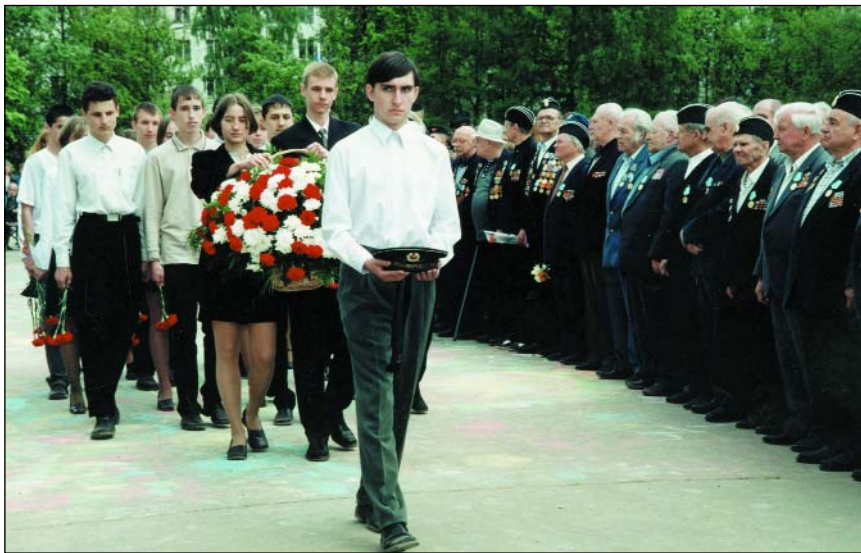
– Конечно! Тогда и диверсанты фашистские высаживались, и подлодки немецкие подходили. Гитлеровцы часто сбрасывали диверсантов с самолетов. Мы гонялись за фрицами по лесам. Тушили пожары, которые немцы устраивали нарочно.

цели. Но для нас это была суровая боевая школа. Мы привыкали к бою. Учились выживать в самых невероятных условиях. И делали это исключительно успешно. У нас не погиб ни один человек. Все доучились!

– Зато вы вышли стойкими, приспособленными к жизни...

– Конечно! И как не вспомнить добрым словом наших учителей: Алексея Николаевича Андреева, он преподавал корабельную телефонную связь, Александра Николаевича Васильева – педагога по электротехнике. Образование у нас было 6–7 классов. Понятие об электричестве – минимальное бытовое. А ведь нам предстояло эксплуатировать сложнейшее электрическое корабельное хозяйство: генераторы, моторы, аккумуляторы, многое другое. И о самых сложных законах электротехники Александр Николаевич рассказывал так просто и доходчиво на житейских примерах, что понимали все. Его объяснение закона Ома, Кирхгофа я помню до сих пор. Мы не зубрили формулировки, мы старались понять суть и применить на практике.

А какие у нас были ребята! Замечательные. Талантливые. Потом из них вы-

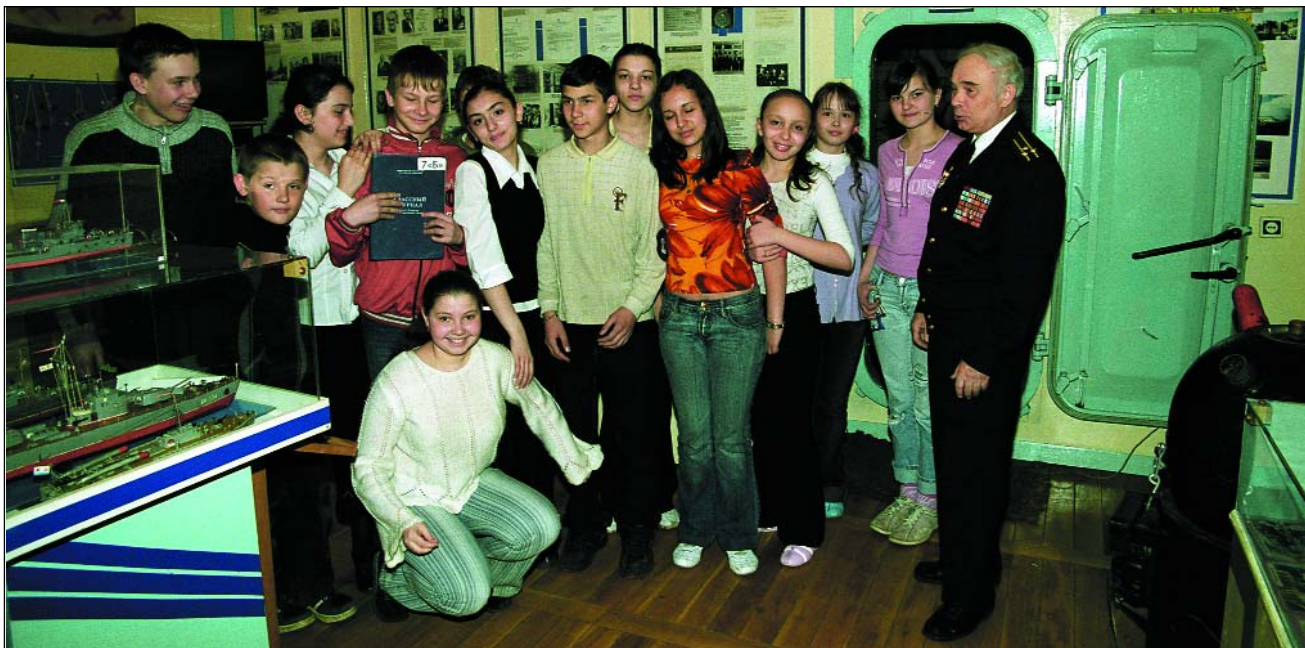
Шествие для возложения цветов к памятнику соловецким югам у школы №349

– Почему такой интерес к пустынному, далекому от берега, небольшому острову?

– Фашисты знали, что на Соловках находится учебный отряд С.Ф. (Советского флота) и Школа юнг, что там готовится мощное пополнение, и хотели уничтожить нас всех «на корню». Отравляли воду в озерах. Бомбили. Я же говорил, они стояли очень близко. Буквально на берегу. 10–15 минут полета, и самолет достигал

шли литераторы, художники, военначальники. Писатель Валентин Пикуль тоже был соловецким юнгой. Жил в землянке под Савватиевом. Спал на деревянных нарах. Его первая книга «Мальчики с бантиками» посвящена именно нашей школе. И знаете, почему она так называется? У юнг на бескозырках были не ленты, а маленькие банты.

Герой Советского Союза адмирал Коробов тоже наш выпускник. Он служил уже

Экскурсия учащихся в школьном
Музее соловецких юнг

после войны на подлодке. И в 1960-х годах с его лодки из-под воды была выпущена первая в Советском Союзе баллистическая ракета. А в 1976 году он совершил кругосветное плавание. Под водой. Не всплывая. За это получил Звезду Героя.

– Как сложилась Ваша судьба после выпуска?

– В сентябре 1944 года я окончил Школу юнг на все пятерки, «по первому разряду» и получил право выбирать флот, где служить. Пошел на Балтику. В первых числах октября 1944 года вместе с друзьями был отправлен в Ленинград. В Первом балтийском флотском экипаже нас распределили по кораблям. Мне присвоили звание «краснофлотец» и отправили служить электриком на тральщик. Через неделю наш корабль вышел на боевое траление мин в Финском заливе.

– Где Вам еще пришлось поработать?

– Мы участвовали в очистке от мин фарватеров от Кронштадта до Лавенсари и Таллина. Уничтожали минные заграждения в Ирбенском проливе, вдоль побережья Прибалтики в Германии, в районе Кольберга, Свиномюнде и острова Рюген.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашем самом первом опыте встречи с миной.

– Со своей первой миной я познакомился осенью 1944 года при контрольном тралении фарватера в районе Шепелёвского маяка. Закончив очередной проход – галс, наша пара тральщиков отошла с фарватера для очистки трала.

Однако очистить трал не удалось, и мы на малом ходу начали осторожно его выбирать (поднимать). Выбрали почти половину, и тут увидели, что метрах в трех за кормой, зацепившись за трал, висит мина. Доложили на ходовой мостик. Подошел командир корабля. Определил, что это мина с инерционным взрывателем. Самая опасная из якорных мин. Нам с большим трудом удалось тогда убрать ее с фарватера, переместить на более мелкое место и при этом сохранить трал. Это было мое первое «боевое крещение». Потом подобных моментов было довольно много.

– Например...

– Однажды перед двумя нашими тральщиками была поставлена задача: специальными вешками разметить минное поле на «коридоры». По каждому из них магнитному тральщику надо было сделать не менее 21 галса и своим силь-

ным магнитным полем воздействовать на донные мины, которые взрывались, как правило, метрах в 40–50 впереди корабля и почти не причиняли ему вреда.

Мы разметили три «коридора», и у нас кончились вешки. Пришлось снимать вешки с уже протрального прохода. Мы мотались по минному полю вдоль и поперек. И на очередном галсе раздался мощный взрыв: сработал взрыватель глубоководной мины. Но на наше счастье не непосредственно под нами, а впереди по курсу. Удар был такой, словно наш тральщик врезался в бетонную стену. У нас были серьезные повреждения, но мы остались на плаву. Второй тральщик смог взять нас на буксир и отвести в Раушен, где мы приткнулись к песчаному пляжу. На другой день нас отбуксировали в Пиллау, где наскоро заварили лопнувшие швы и отправили на ремонт в Таллин.

– Ваш тральщик занимался только поиском и обезвреживанием моря от мин противника?

– Нет. Были и другие задания. Так, после ремонта тральщика, мы в составе дивизиона вошли в Данцигскую бухту и были заняты поисками немецкой секретной подводной лодки.

– Что Вы имеете в виду, говоря «секретной»?

– Дело в том, что к 1945 году фашисты построили уникальную подводную лодку U-798 с единым двигателем. Испытание этой лодки производилось в Данцигской бухте. Однако завершить работы на этой подлодке до конца войны немцам не удалось. В апреле 1945 года гитлеровцы затопили ее в районе Гдыни и выставили вокруг нее мины.

– И вам удалось найти эту лодку?

– Да. Удалось. Правда, нам тогда об этом официально не сообщили. Все было засекречено. Но мы все поняли, когда нам дали команду: «Работы прекратить, придонные тралы сдать на склад». Но все-таки основная наша задача заключалась в боевом тралении Балтийского моря. Наш тральщик «пропахал» практически всю Балтику. Уничтожил более сотни мин.

– А как сложилась Ваша судьба после войны?

– Меня еще в 1947 году направляли в военно-морское училище, но я не хотел уходить с тральщика, потому что на Балтике еще осталось очень много мин. Только в Финском заливе более 70 тысяч. Но в 1949 году меня вызвали в политотдел и твердо сказали: «Ты коммунист, и мы тебя направляем учиться». Я проучился четыре года в военно-мор-

ском училище, и уже офицером служил на самых разных кораблях. И в районе Новой Земли, где был наш атомный полигон. И границу охранял. И американские лодки гонял. Все было!

После демобилизации, в 1960 году, вернулся в Москву. Окончил МАИ. Работал там сначала старшим, потом ведущим инженером. Вел монтаж и наладку больших электронно-вычислительных машин «Урал-2», «Урал-3», «М-220», «М-222». Проработал 36 лет. Последние 17 – начальником научно-исследовательской лаборатории.

– А как у Вас возникла идея создать музей?

– Это было уже после войны. Начало 1980-х. Соловецкие юнги начали объединяться. Появился Совет соловецких юнг. Решили, что нам нужен музей. Пошли в комитет ВЛКСМ. Там сказали, вот вам школа, действуйте. Дали два класса. И мы стали приносить из дома реликвии. У кого что было. Все вещи подлинные. Потом, когда пришла перестройка, многие школьные музеи закрылись. Вещи буквально выкидывались на помойку. Но наш директор, Татьяна Анатольевна Кривошеева, твердо сказала, что музей надо сохранить. И мы с тех пор так и работаем. И 7 мая, перед самым Днем Победы, открыли памятник соловецким юнгам на пересечении 16-й Парковой и Сиреневого бульвара. Сами собрали часть денег. Кроме того, нам очень помог Юрий Михайлович Лужков. Это уже наш четвертый памятник соловецким юнгам. Первый был открыт в 1972 году на Соловках. Второй – в 1988 году здесь, возле нашей школы. Третий – в 1993 году в Архангельске. Там, где Школа юнг формировалась.

– И 9 Мая у вас тут устраивается большой праздник?

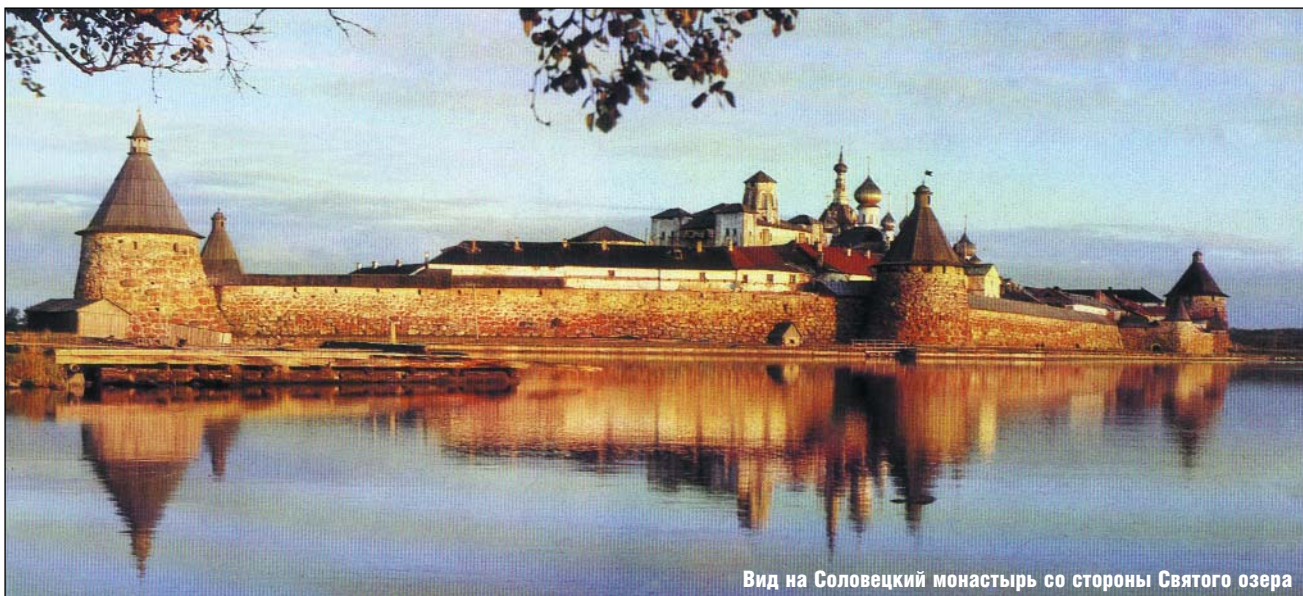
– Каждый год! На весь Восточный округ! Съезжаются соловецкие юнги со всей России. Приходят представители главного штаба ВМФ. Адмиралы. Взвод морской пехоты. Десантники. Съезжаются кадеты. Идут народные гуляния. Один раз даже катали желающих на воздушном шаре.

Музей нужен людям. К нам постоянно приходят экскурсии. Школа становится известной по всей Москве, не только в округе. Директор – заслуженный учитель России. Дети с удовольствием занимаются в кружке юных моряков. Лучшие из лучших получают официальную награду – «медаль Нахимова». У нас эту медаль имеют не только школьники, но и 15 человек учителей. Им это очень приятно.

– А Ваш музей развивается со временем?

– Да, разумеется. Он у нас живой, постоянно прибывают новые экспонаты. Примерно два года тому назад Владимир Владимирович Путин и патриарх Московский и всея Руси Алексей II ездили на Соловки. Этому событию у нас посвящен целый стенд. О нас выходят книги. Снимаются фильмы: «Юнги соловецкие», «Юнга Северного флота», «Соловецкая песня». Наши юнги пишут картины. Мы все живем полной, активной жизнью. Дети получают уроки любви к Родине. Учителя истории всегда имеют под рукой уникальный фактический материал. От нашей работы выигрывают многие. И что очень важно, дети любят и знают прошлое своей Родины. Оно им интересно!

Елена ГРИГОРЬЕВА

Вид на Соловецкий монастырь со стороны Святого озера